

Субъектность присутствия: между Банкэем и Юнгером

Попов Михаил Андреевич

Студент (магистр)

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

E-mail: hetttt@yandex.ru

Определение индивидуального бытия как присутствия-в-мире, - присутствия, обретающего себя через обращение к чистому, внеэмпирическому Бытию, - исторически особенно характерно как минимум для двух философских школ. Это, во-первых, дзэн-буддизм; во-вторых - европейская континентальная традиция XX в.. Вопрос о характере взаимосвязей между ними рассматривался в истории философии достаточно подробно [5, с. 142]; нас же здесь интересует более конкретный вопрос, вытекающий из подобного сопоставления - вопрос субъектности наличного бытия, соотносимости бытия-в-присутствии с содержанием субъективного мышления.

Иначе говоря, основной вопрос нашего доклада звучит так: как соотносимы понятия присутствия и субъекта в дзэн-буддизме и континентальной, постфеноменологической европейской традиции? Совпадают ли они по значению? Едино ли это значение для всех представителей данной традиции - или существуют и иные точки зрения?

Для классического дзэн-буддизма (особенно в рамках школы патриарха Хуэй-нэна и его последователей [5, с. 105]) вопрос этот был решен вполне однозначно. Бытийствующее присутствие (могущее быть в рамках чаньской терминологии отождествлённым с представлением о «бытии Будды» [5, с. 110]), несомненно проявляет себя через субъективное, индивидуальное бытие; однако никоим образом с ним не отождествляется. Индивидуальное, субъективное, отдельное «замутняет» целостность бытия; следовательно - и присутствия. Мир для дальневосточного буддизма объективен - сверх-объективен [5, с. 147]; и сама индивидуальная рефлексия о мире уже лишает восприятие нами его какой-то доли подлинности. Логичным в такой перспективе становится вывод о раздельности субъекта и присутствия; рефлексивного «Я» и бытийной природы [3]. Чистое, подлинное бытие - «природа Будды», - присуща всему; однако именно присуща, а не тождественна.

Вполне определённое сходство с вышеописанными взглядами патриархов классического дзэн-буддизма мы находим в анализе вопроса субъектности присутствия у М. Хайдеггера. Dasein есть присутствие человека в мире («место бытия»), открывающееся вовне и прорывающееся к Бытию [5, с. 173]. Он, несомненно, соотносим с субъектом - постольку, поскольку он есть бытие именно человека [1], «сущее, которое мы всегда сами суть» [6, с.7]. Однако: будучи соизмеримо с субъектом, субъектно при этом ли присутствие само по себе? Тождественно ли оно самому субъекту; сводимо ли к нему? А. В. Паткуль обоснованно пишет о неизбежности отрицательного ответа; о различии Dasein и субъекта у Хайдеггера. Субъект замкнут в своём существовании; субъект специфически онтичен - и в этом ему противоположен Dasein, само бытие которого есть постоянное «вне» по отношению к субъекту [2, с.51]. Dasein - нечто большее и более важное, чем отражающие его понятия «человек» и «субъект» [2, с.59].

Круг, таким образом, замыкается. Перед нами - если и не совпадение, то близкое сходство позиций западной и восточной школ; классиков дзэн и классика континентальной философии. Вечно молчащее, неделимое и неотделимое от потока Бытия «истинное Я» сходится с Dasein [5, с. 111]; «иллюзорное мышление» - с опытом онтически замкнутого субъекта, лежащего вне трансценденции к подлинному бытию.

Однако парадоксальным образом среди, - номинально, - участников обеих школ является своего рода «внутренняя оппозиция»; последователи, мыслящие о субъектности присутствия резко отлично от классиков своих традиций. Для японского дзэн-буддизма это Банкэй Ётаку; для континентальной антропологии - Эрнст Юнгер.

Позиция Банкэя во многом вытекает из высказывания китайского классика чань Мацзу Дао-и: «Ум обычного человека есть ум Будды; речь обычного человека есть речь Дао» [4, с.7]. Созданное им «учение о Нерождённом» в целом укладывалось в рамки классической дзэнской философии; однако - за исключением одного различия. Дзэн Нерождённого подразумевает отсутствие онтологического различия субъектного бытия и бытия-в-присутствии [4, с.108]. Личное, субъектное бытие и есть бытие Нерождённого; оно лишь омрачено иллюзиями и аффектами, вложенными неверным воспитанием [4, с.69]. Путь их исправления - не дзадзэн, но чистое и спокойное восприятие мира со всеми его аспектами [4, с.109]. Метод жизни в миру - не медитации и чтение сутр, но обычная мирская деятельность, переживаемая как присутствие [4, с.59].

Весьма схоже тематизирует присутствие и Эрнст Юнгер - в первую очередь в рамках эссе «Уход в лес» и «О Духе». И в том, и в другом тексте мы находим вполне понятную (учитывая контекст эпохи) к присутствию; однако в плане субъектности юнгеровское присутствие ближе к Нерождённому, чем к Dasein. Идёт ли речь о человеке, открывающем в себе «вечное бытие» Леса [8, с. 31], или о Духе, пронизывающем всё и освящающем своим присутствием, неразрывным с миром, любое деяние [7, с.290] - вопрос о единстве присутствия и субъекта описывается одной цитатой: «Там достигаются последние возможности жизни, когда жизнь — дух, а дух — жизнь без всякого различия» [7, с. 290]. Субъект тождествен Духу и бытию, субъект обретает себя в Лесу по ту сторону предметности - и возможность обрести единство с бытием присуща ему изначально и постоянно; она не требует ни «избавления от иллюзорных мыслей», ни многолетних медитаций.

Итак: перед нами, фактически, два подхода к проблеме субъектности присутствия. Первый - характерный для классиков школы Хуэйнэна и для концепции Хайдеггера, - постулирует различие между субъектом и присутствием, где первое - неполная, неверная копия второго [2, с.59]. Соответственно, жизнь в целом, как субъективное бытие, понимается здесь как усилие; как прорыв к истинной сути мира, скрытой под пеленой иллюзий [5, с.149]. Второй же, - подход Эрнста Юнгера и Банкэя Ётаку, - утверждает неразрывность субъекта и присутствия; субъект и есть присутствие, и обнаружить это сам он может в любом повседневном действии. Жизнь, соответственно, понимается здесь как уже открытый источник ситуаций присутствия.

Несомненно, при дальнейшем исследовании это типологическое деление может показаться и в ином свете; может распасться ещё на несколько подразделений (так, в частности, Банкэй и Э. Юнгер весьма по-разному оценивают значение аффекта для бытия человека). Однако, на наш взгляд, даже и подобная перспектива не отменяет целиком и полностью возможности использовать описанное нами разделение по взглядам на субъектность присутствия в качестве оптики философского анализа как дзэн-буддизма, так и континентальной философии XX века.

Источники и литература

- 1) Ахутин А. В. Dasein. Материалы к толкованию // Логос. № 5 (26). М., 2000. 192 с. – с. 89-123.
- 2) Паткуль А.Б. Человек, субъект, Dasein // Топос. Философско-культурологический журнал. № 3, 2007. С. 46 – 60.

- 3) Судзуки Д. Т., Кацуки С. Дзэн-Буддизм: Основы Дзэн-Буддизма. Практика Дзэн. Бишкек, МП «Одиссей», 1993. — 672 с.
- 4) Уодделл, Норман. Нерождённый. Жизнь и учение мастера дзэн Банкэя. СПб: Евразия, 2000.
- 5) Хайдеггер и восточная философия: поиски взаимодополнительности культур. / Отв. ред.: М.Я. Корнеев, Е.А. Торчинов. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. - 324 С.
- 6) Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. В. В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997.
- 7) Юнгер Э. Рискующее сердце. СПб, Владимир Даль, 2010.
- 8) Юнгер Э. Уход в лес. М., 2012.